

На правах рукописи

НАМ
Ираида Владимировна

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917 – 1922 гг.)**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре современной отечественной истории

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Фоминых Сергей Федорович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Гончаров Юрий Михайлович

доктор исторических наук, профессор
Макарчук Сергей Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Ларьков Николай Семенович

Ведущая организация: **Институт истории СО РАН**

Защита состоится 24 октября 2008 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34 а).

Автореферат разослан «__4__» __09__ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д-р ист. наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В мировой истории, как и в истории Российской империи, национальные (этнические) меньшинства, составляющие значительную долю в населении многих государств мира, играют важную роль в колонизации земель и их хозяйственном освоении, в науке, культуре, управлении, в укреплении контактов между регионами и государствами. Возникновение национальных меньшинств – результат многообразных процессов, связанных с взаимодействием и трансформацией государств, изменением их границ, массовыми миграциями, когда они оказывались вне пределов исторического расселения в инонациональном окружении, зачастую в «чужом» государстве.

Наличие национальных меньшинств формирует сложный комплекс политико-правовых, социально-экономических, культурных проблем, связанных с поиском баланса государственных и этнических интересов, в числе которых сохранение этнокультурного наследия и самобытности меньшинств, определение статуса, конституционно-правовое обеспечение прав, защита интересов. Меньшинства нередко становятся почвой для возникновения межэтнических и межгосударственных конфликтов, что делает их одной из наиболее уязвимых групп в принимающем обществе.

Проблема меньшинств особенно обостряется в периоды распада империй и многонациональных государств, как это было во время крушения Османской, Австро-Венгерской и Российской империй в начале XX века. Распад на исходе XX столетия федеративных государств, в основе которых лежал этнотерриториальный принцип – СССР и СФРЮ – вновь обернулся правовой дискриминацией, вынужденной миграцией и принудительной депортацией национальных меньшинств.

История России, одного из самых многонациональных государств мира, во второй половине XIX – начале XX вв. развивалась под знаком высокой миграционной активности населения, что привело к дальнейшему увеличению гетерогенности ее национального состава и дисперсности расселения ее национальностей. К началу XX в. национальные меньшинства в России насчитывали свыше 11 млн. человек (7%) и различались по происхождению,

языку, культуре, традициям, обычаям, конфессиональной принадлежности, уровню политического развития и степени этнической самоорганизации.

Однако, как верно заметил австрийский историк А. Каппелер, история российского государства, «сплошь и рядом неправильно воспринимается и трактуется исключительно как русская национальная история»¹ без учета ее полиэтничного состава. С другой стороны, национальная историософия этносов, когда-либо входивших в состав Российского государства, как правило, исходит из утверждения о «естественности» и глубине исторических корней своего народа и, соответственно, – установки на создание национальной государственности.

В этой связи представляется важным изучение и концептуальное осмысление всего комплекса сложных и противоречивых вопросов, относящихся к истории возникновения, развития и распада многонациональной Российской империи, и особенно – процессов нациестроительства, включая роль и участие в них национальных (этнических) меньшинств.

Исключительный интерес представляет Сибирь, где в переломные годы революции и гражданской войны, в рамках различных проектов нациестроительства, возникали и осуществлялись альтернативные общепринятым попытки решения проблемы соотношения государственных и национальных интересов, в том числе проблемы национальных меньшинств. Именно здесь, несмотря на политическую нестабильность и экономическую разруху, имел место разнообразный опыт разработки и практического осуществления идеи национально-культурной (национально-персональной, экстерриториальной) автономии.

Степень изученности. Дореволюционный период был временем первоначальной постановки проблем и накопления фактов, касающихся появления и адаптации в Сибири отдельных групп этнических мигрантов из числа ссыльных и переселенцев – латышей, эстонцев, немцев, украинцев, поляков, евреев, корейцев. Авторами первых работ были, как правило, чиновники, занимавшиеся переселенческими делами (В. Гаупт, А. Морозов, В.Я. Нагнибеда, А.А. Кауфман). В работах Ф.Ф. Буссе, П.Ф. Унтербергера,

---

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 8.

А.А. Риттиха, содержатся сведения о численности и национальном составе населения Приморья и Приамурья. Переселению корейцев в Россию были посвящены исследования В.И. Вагина, В.В. Граве и В.Д. Песоцкого и др.

Дореволюционная российская историография поляков в Сибири¹ – это преимущественно историография польской ссылки, начало которой было положено фундаментальным исследованием С.В. Максимова. Основной акцент в исследованиях, посвященных сибирским евреям, был сделан на их правовом положении. В 1911 г. вышло первое систематизированное изложение истории сибирских евреев – исторический очерк Ю. Островского, написанный на основании «полевых» наблюдений во время путешествия по Сибири. В.С. Войтинским и А.Я. Горнштейном² было предпринято исследование одной из самых крупных в Сибири общин – иркутской – в контексте общей истории сибирского еврейства.

В 1920-е – начале 1930-х гг. продолжалось накопление фактического материала по теме, касающейся появления в Сибири различных групп этнических меньшинств. В «Сибирской советской энциклопедии» были опубликованы статьи А.Д. Киржница, Я. Баллода, И. Малкова, Я. Эйсуня, Ф. Кудрявцева, в которых прослеживается процесс образования и адаптации в сибирских условиях наиболее крупных групп меньшинств – латышей, латгальцев, немцев, меннонитов, поляков, – характеризуется уровень их социально-экономического, политического и культурного развития. Отдельные сюжеты, касающиеся участия некоторых групп национальных меньшинств в событиях революции и гражданской войны, оказались в поле зрения первых исследователей и одновременно участников этих событий: В.Д. Вегмана, П.С. Парфенова и др. В целом содержащиеся в работах этих лет сведения фрагментарны и дают представление лишь о некоторых сюжетах изучаемой темы. С конца 1930-х гг., когда на смену концепции М.Н. Покровского, рассматривающей историю России, как «тюрьму народов», пришло направление, провозглашающее величие русской нации и государства, проблема национальных меньшинств полностью выпала из поля зрения советских исследователей.

---

¹ Подробно см.: *Шостакович Б.С.* Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.) Иркутск, 1985. Вып.9.

² *Войтинский В.С., Горнштейн А.Я.* Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

Положение изменилось с приходом хрущевской «оттепели». Различные стороны социально-экономического положения и жизнедеятельности немецких, латышских и эстонских переселенцев в Сибири рассматриваются в работах Л.В. Малиновского и В.А. Маамяги¹. В монографии П.И. Рощевского впервые был затронут вопрос об организации отделов мусульманского комиссариата в Тюмени и Тобольске. Активно изучалась деятельность национальных секций большевистских организаций, участие в гражданской войне красных латышских стрелков и зарубежных интернационалистов (А.Я Манусевич, В. Раевский, А. Бейка, М.Н. Колоткин и др.). Л.А. Голишевой исследовались отдельные аспекты национальной политики правительства А.В. Колчака, В.С. Флеровым – деятельность украинских организаций на Дальнем Востоке. История поляков в эти годы изучалась в следующих направлениях: история польской ссылки, русско-польские революционные и интернациональные связи, культурная роль ссыльных поляков в освоении Сибири. Расширились хронологические рамки изучения польской ссылки. В статьях Л.К. Островского анализируются численность, состав, размещение и взаимосвязи польских политических ссыльных в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Национальный и партийный состав ссылки начала XX столетия рассматривался в работах Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова.

Появились специальные исследования², посвященные изучению национальной политики в Сибири в годы революции, гражданской войны и первых лет советской власти. Они существенно расширили круг исследуемых вопросов и ввели в научный оборот новые пласты источников, в том числе и по истории национальных меньшинств. В эти годы обозначился интерес к изучению национальной политики Дальневосточной республики³. Однако

---

¹ Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып.3; *Он же*. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX – начала XX в. // Известия Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. Наук. 1980. № 1, вып.1. Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940). Таллинн, 1977.

² Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917-23 гг.) Новосибирск, 1983; Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991 и др.

³ Сем Ю.А. Национальная политика Дальневосточной республики // Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР. Сер. ист. 1963. Т. 5; Шерешевский Б.М. О принципиальных основах национальной политики Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) // Научные труды Новосиб. ун-та. Сер. ист. 1968. Вып.2. Вопросы истории советской Сибири; Сонин В.В., Митюков М.А. К вопросу об автономии в условиях Дальневосточной республики // Государство и право социалистического государства. Владивосток, 1975 и др.

приоритет в этих исследованиях отдавался, как правило, анализу национальной политики Дальбюро ЦК РКП (б) и правительства ДВР, прежде всего, в отношении бурят – коренного населения края, в то время как пришлые национальные меньшинства либо оставались вне поля зрения исследователей, либо политика в отношении них, осуществляемая на основе культурно-национальной автономии, рассматривалась в критическом свете. Исключением является точка зрения Ю.Н. Гавло, которая пришла к верному, на наш взгляд, выводу, «что использование культурно-национальной автономии национальных меньшинств, как государственно-правовой формы разрешения национального вопроса в условиях демократического государства», «несомненно, было в интересах национальных меньшинств», представляя «первый шаг к разрешению национального вопроса, если учесть, что Конституция [ДВР] наделила органы национального самоуправления публично-правовыми полномочиями»¹. Отдельные вопросы правового статуса, процессов самоорганизации и участия в антияпонском освободительном движении российских корейцев накануне и в годы революции и гражданской войны на Дальнем Востоке рассматривались в работах Ф.И. Шабшиной, С.С. Григорцевича, Ким Сын Хва, Б.Д. Пака.

В целом третий период советской историографии не сопровождался «прорывом» в изучении истории национальных меньшинств. В эти годы увидели свет лишь немногие работы, весьма неравномерно и фрагментарно освещающие рассматриваемую проблему. Деятельность национальных организаций, партий и движений рассматривалась исключительно с позиций пролетарского интернационализма, как буржуазно-националистическая, контрреволюционная и соглашательская. Культурно-национальная автономия оценивалась только как националистический пропагандистский лозунг, как идейное оружие в борьбе с революционным воздействием на массы национальных меньшинств².

Новый этап в развитии отечественной исторической науки начался в конце 1980 – начале 1990-х гг. Он был обусловлен кардинальными политическими переменами в стране, сопровождавшимися стремительной деидеологизацией, исчезновением «запретных» тем, рассекречиванием ранее недоступных архивных фондов, расширением теоретико-методологической базы

---

¹ Гавло Ю.Н. Государственный строй Дальневосточной республики. Томск, 1978. С.89-90.

² Эти недостатки были присущи и нашим публикациям 1980-х гг.

исследований, прежде ограничивавшейся марксистским формационным подходом. Под иным углом зрения рассмотреть историю России, с учетом ее исторически многонационального характера, потребовали обвальная распада СССР, образование новых независимых государств, рост межэтнических конфликтов. Национальный вопрос становится одной из центральных тем общественного и научного дискурса. Лавинообразно растет число публикаций, посвященных разным сторонам истории национальной политики в России/СССР. Происходит расширение источниковой базы как за счет тематических документальных сборников и отдельных публикаций, так и путем включения новых документов и материалов в научный оборот.

Как зарубежные, так и российские исследователи, приходят к выводу о необходимости «концептуального осмысления всего комплекса вопросов, относящихся к истории создания и развития многонациональной Российской империи»¹. Переломным стало издание переводной работы А. Каппелера, поставившего своей целью преодолеть «русоцентристский» взгляд на историю России, показать, что «полиэтничность является неизменной константой российской истории», что «ни история России в целом, ни история российских регионов и народов не может быть исчерпывающе исследована и представлена без учета и понимания всего полиэтнического комплекса и взаимоотношения частей и целого»². Аналогичная задача была поставлена В.С. Дякиным³. Как следствие, в эти годы существенно изменилось направление исследований по истории национальной политики и межнациональных отношений в России и СССР. Наряду с общими вопросами национальной политики и изучением истории «национальных окраин» произошло обращение, как к самостоятельному объекту исследования, конкретных этнических и этноконфессиональных сообществ – евреев, украинцев, поляков, немцев, меннонитов, мусульман и других. С 1999 г. издается журнал «Диаспоры», в котором проблема этнических меньшинств рассматривается в контексте изучения диаспор в теоретическом и конкретно-историческом преломлении.

---

¹ История и историки. М., 1995. С.10.

² Каппелер А. Указ. соч. С. 8.

³ Дякин В.С. А. Каппелер. Россия как многонациональное государство. Возникновение. История. Падение // Отечественная история. 1994. № 6; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12.

Возрождение интереса к истории евреев сопровождалось созданием центральных и региональных научных центров, которые развернули активную исследовательскую и публикаторскую деятельность. Большое значение имело переиздание трудов еврейских историков дореволюционной России и зарубежной еврейской историографии и публицистики 1930-1960-х гг. Широкий размах получило изучение истории евреев в Сибири. Первой «ласточкой» стал выход в свет двух выпусков «Сибирского еврейского сборника». Развитию сибирской иудаики способствовала организаторская и издательская деятельность Института социальных и общинных работников Сибири и Дальнего Востока в Красноярске под руководством Я.М. Кофмана. По его инициативе и при поддержке благотворительного фонда «Джойнт» состоялось восемь региональных научно-практических конференций по истории евреев Сибири и Дальнего Востока, ведется большая и планомерная издательская работа. Одним из показателей того, что изучение истории евреев на востоке России вышло на новый уровень, стал выход в свет монографий Л. Кальминой, Л. Кураса, В. Рабиновича, Ю. Гончарова, Н. Галашовой, посвященных локальной истории еврейских общин Сибири. Успешную попытку исследовать государственную политику в отношении евреев Дальнего Востока на большом историческом отрезке времени – от 60-х гг. XIX в. до конца 1920-х гг. – предприняла В.В. Романова¹. История еврейской диаспоры, функционирования институтов еврейского самоуправления в условиях революции и гражданской войны в Сибири рассматриваются в монографии² и статьях И.В. Нам и Н.И. Наумовой. Отдельным сюжетам и персонажам истории евреев в Сибири в этот период посвящены работы Л.В. Кураса, С.П. Звягина, В.А. Самоделкина и др.

С не меньшей интенсивностью изучается история российских немцев. С 1994 г. ежегодно проводятся научные конференции, организуемые Международным союзом немецкой культуры (Москва), Институтом германских и восточноевропейских исследований (Геттинген). По их итогам опубликовано более 10 сборников статей. Издается информационный бюллетень «Российские

---

¹ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке (II пол. XIX – I четв. XX вв.) Хабаровск, 2000; *Она же.* Власть и евреи на Дальнем Востоке: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) Красноярск, 2001.

² Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003.

немцы». Создана Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). При ее содействии состоялись региональные научные конференции по истории и культуре российских немцев в Омске, Саратове, Оренбурге, Днепропетровске, Одессе, Баку, Красноярске. Сформировались исследовательские центры в Саратове, Омске, Новосибирске, Барнауле, Томске, Волгограде, Санкт-Петербурге и других городах. За прошедшие 15-20 лет отечественная историография прошла путь от выявления и заполнения «белых пятен» в истории российских немцев до создания обобщающих трудов, в большинстве своем основанных на широкой и репрезентативной источниковой базе. История немцев Поволжья получила освещение в монографиях А.А. Германа, И.Р. Плеве, В.Г. Чеботаревой, Северного Кавказа – в работах Т.Н. Плохотнюк, Сибири – в монографиях и статьях Л.В. Малиновского, Л.П. Белковец, В.И. Бруля, П.П. Вибе, А.И. Савина, В.Н. Шайдурова и др. Проблемы истории немецкой школы в России и Сибири успешно разрабатываются И.В. Черказьяновой, духовные и религиозные стороны жизни немцев в России – О.А. Лиценбергер, О.В. Курило, Т.Г. Недзелюк. Однако переломные годы революции и гражданской войны в истории немецкого сообщества внимание исследователей привлекают сравнительно мало. Лишь отдельные аспекты истории немцев Сибири в условиях революции и гражданской войны рассматриваются в исследованиях П.П. Вибе, В. Бруля, А. Савина, А.Э. Маттиса.

Постсоветский этап ознаменовался расширением проблематики и углублением исследований по истории польского присутствия в Сибири. Складываются региональные центры полонистики в Казани, Иркутске, Томске, Новосибирске, Улан-Удэ, Якутске. Преобладающим направлением остается изучение истории польской политической ссылки, но диапазон исследуемых вопросов существенно расширился. Современные авторы обратились к изучению проблем обустройства поляков и адаптации к условиям ссылки и поселения, анализу их повседневной жизни, взаимоотношений с принимающим обществом, сохранения национальной идентичности, изучению вклада в экономическое и социокультурное развитие региона. Появились исследования, посвященные анализу переселений польских крестьян, функционированию институтов римско-католической церкви в Сибири, польским персоналиям. В

1995 г. была защищена докторская диссертация польского исследователя В. Масяржа¹, в которой предпринята попытка освещения жизнедеятельности поляков в Восточной Сибири в первой половине XX в., включая период революции и гражданской войны.

Знаковым стал выход в 2002 г. книги «Сибирь в истории и культуре польского народа», посвященной Б. Пилсудскому. Кроме темы истории ссылки, в опубликованных в ней статьях польских и российских авторов освещается широкий спектр малоизученных проблем: переселение польского крестьянства в Сибирь, вклад польской интеллигенции в культурно-цивилизационное развитие Сибири и др. Особый интерес представляют написанные на польских источниках статьи о деятельности польских организаций помощи беженцам в годы I мировой войны (М. Коженевский, М. Мондзик) и участия в гражданской войне в Сибири 5-й польской стрелковой дивизии (Я. Нея). Многие стороны общественной и политической жизнедеятельности поляков в годы революции и гражданской войны на востоке России, связанной с процессами и формами самоорганизации поляков, с изменением этнического самосознания, участием в событиях тех лет, нашли отражение в работах Н.И. Наумовой, С. Леончика, В. Рэзера² и др. В то же время этот период по-прежнему занимает малое место в изучении польской диаспоры в Сибири, как особого социума.

В постсоветский период продолжалось изучение этнической истории и этнических процессов в среде выходцев из Прибалтики³. Возрос интерес к их участию в событиях революции и гражданской войны⁴. В двух книгах

---

¹ *Масярж В.* Поляки в Восточной Сибири (1907-1947 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995.

² *Наумова Н.И.* Поляки Сибири. 1918-1920 гг. (к вопросу об особенностях национального самосознания) // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997; *Она же.* Польский вопрос в политике белогвардейских правительств // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона Томск, 2006; *Naumova N.I.* Polskie organizacje na Syberii (lata 1918-1920) // *Zesłaniec.* Warszawa, 2002. № 9. *Naumova N.I.* Działalność gospodarcza Polaków na Syberii w latach I wojny domowej // *Zesłaniec.* Warszawa, 2002. № 10 и др.; *Рэзер В.* Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920-1922 гг. // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001; *Леончик С. В.* Поезд идет на восток. К вопросу об участии поляков в белом движении в Сибири 1918-1921 гг. // Поляки в Приенисейском крае. Абакан, 2005.

³ *Лоткин И.В.* Этносоциальная адаптация прибалтийских национальных групп в Сибири (1920-1940 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2007.

⁴ *Колтакиди А.* Белые латышские стрелки. Неизвестные страницы деятельности Союза защиты Родины и Свободы // Родина. 1996. № 1; *Екабсонс Э., Щербинскис В.* Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России. // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX в. М., 2000.

М.Н. Колоткина предпринята попытка провести комплексное исследование «балтийской диаспоры» в Сибири в 1920 – 30-е годы¹.

Наблюдается всплеск интереса к изучению истории российских корейцев. Формированию корейского населения на Дальнем Востоке через призму диаспорных характеристик посвящены монографии А.И. Петрова². В статьях ряда зарубежных авторов нашли отражение и вопросы истории корейцев в условиях революционных потрясений и гражданской войны в России в 1917-1922 гг.³ Возрождается интерес к истории самой многочисленной диаспоры в Сибири – украинской. Поднимается вопрос об изучении специфики украинской крестьянской колонизации Сибири, появляются и отдельные работы по этой теме⁴. Внимание историков привлек феномен развития украинского национального движения в Сибири и на Дальнем Востоке⁵.

Пересмотр методологических основ отечественной исторической науки обусловил пробуждение интереса исследователей и к истории российских мусульман⁶. Начинают публиковаться документы и материалы, частично известные до сих пор лишь по западным исследованиям. В 1995 г. были опубликованы тексты документов по истории культурно-автономистского движения мусульман России и Сибири в 1917 г.¹ Перспективной является попытка, предпринятая С.М. Исхаковым, рассматривать мусульманское движение как единое движение на этноконфессиональной основе, а российских мусульман – как единый социум. В этом контексте национально-культурная

---

¹ Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20-30-х гг. Новосибирск, 1994; *Он же*. Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск, 1994.

² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90 гг. XIX века. Владивосток, 2000; *Он же*. Корейская диаспора в России. 1897-1917. Владивосток, 2001.

³ Сим Хон-Ёнг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века // Отечественная история. 1998. № 4; Ю Хё Джон. Российская революция, «Сибирская война» и российские корейцы. 1917-1922 гг. // Новый мир истории России. М., 2001 и др.

⁴ Липин А.М. Проблемы украинских переселений в Западную Сибирь в современной отечественной историографии // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998; Кутилова Л.А. Украинские переселенцы в Томской губернии (конец XIX-начало XX вв.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в. Томск, 1996. Вып. 2; *Она же*. Украинцы в Сибири: пути этничности (конец XIX – начало XX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998.

⁵ Наумова Н.И. Украинские воинские подразделения и власть. 1918-1920 гг. // Украинцы в Сибири: история, культурная жизнь, перспективы. Томск, 2004; Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917– 1917-1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005 и др.

⁶ Подробный анализ постсоветской историографии см.: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004.

автономия рассматривается как «форма этнического самосохранения». Верным представляется вывод С.М. Исхакова о том, что культурно-автономистское движение мусульман было доминирующим вплоть до разгона Учредительного собрания².

С конца 1980-х гг. начинает привлекать внимание политиков и представителей разных общественных дисциплин идея национально-культурной (национально-персональной) автономии. Обращение к этой теме было обусловлено тем, что со всей очевидностью обозначилась необходимость реформирования существовавшей в СССР этнотерриториальной системы государственного устройства, таившей в себе деструктивный заряд огромной силы. Это потребовало обращения к теоретико-методологическим основам идеи национально-культурной автономии и изучения опыта ее осуществления³.

Для диссертационного исследования важны также новые исследования и подходы к изучению социальных катаклизмов первой четверти XX в. – революционных потрясений, мировой и гражданской войн⁴, оказавших большое влияние на судьбу национальных меньшинств. В ряде работ предпринимаются попытки изучения роли и места национального фактора в истории гражданской войны⁵, национальной политики антибольшевистских правительств⁶, государственной политики в отношении национального образования⁷.

---

¹ См.: Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. М., 1995. Т. 2. С. 70-112.

² Исхаков С.М. Указ. соч. С. 69, 506.

³ Кабешев В.А. Проблема национально-культурной автономии и ее современное политическое значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999; Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004 и др.

⁴ Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917-1920 гг. М., 2006; Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1917 – 1922 гг.). Хабаровск, 2003 и др.

⁵ Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в годы гражданской войны в России // История. 2003. № 19.

⁶ Кукушкина И.А. Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств (1918-1920 гг.) // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914-1924). М., 2002; Остапенко А.И. «Белое движение» и проблема целостности России // Российское государство и общество. М., 1999; Наумова Н.И. Национальная политика колчаковского правительства: управленческие структуры и законодательство // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005 и др.

⁷ Нам И.В., Наумова Н.И. Национальная («инородческая») школа Сибири в образовательной политике власти (конец XIX в. – 1919 г.) // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века. Новосибирск, 2005 и др.

Таким образом, история национальных меньшинств Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны нашла определенное отражение в отечественной историографии, но изучена она неравномерно и фрагментарно. Интерес исследователей в основном вызывают евреи, на Дальнем Востоке – украинцы и корейцы, в меньшей мере – латыши, эстонцы, поляки, татары и другие меньшинства.

Все это предопределило **цель исследования** – комплексное изучение общественной жизнедеятельности национальных меньшинств Сибири и Дальнего Востока в условиях революций 1917 г. и гражданской войны 1918-1922 гг.

В этой связи были поставлены следующие **задачи**:

- проследить процесс появления и складывания в Сибири и на Дальнем Востоке различных групп национальных меньшинств;
- определить их численность и расселение;
- исследовать пути и формы сохранения и воспроизводства этнической и культурной идентичности меньшинств;
- рассмотреть в динамике процессы и формы самоорганизации и создание институтов национального самоуправления в среде национальных меньшинств;
- изучить опыт разработки и осуществления различных вариантов культурно-национальной (национально-персональной) автономии;
- выявить участие национальных меньшинств в общественно-политической жизни Сибири и Дальнего Востока;
- изучить их взаимоотношения с властью;
- исследовать политику в отношении национальных меньшинств временных правительств (всероссийских и областных) периода революций 1917 г. и гражданской войны.

Объектом исследования являются национальные (этнические) меньшинства – татары (мусульмане)¹, евреи, поляки, украинцы, латыши,

---

¹ Термин «мусульмане», принятый в научной литературе начала XX в., означает сообщество людей, для которых религия являлась определяющим критерием их идентичности. В среде мусульман религиозная идентичность была более значимой, чем этноязыковая. Мусульмане Сибири – этноконфессиональное меньшинство, представлявшее в это время трудно делимый конгломерат

эстонцы, литовцы, немцы, корейцы, **предметом** – основные проявления и направления общественной жизнедеятельности, формы самоорганизации и самоуправления национальных меньшинств накануне и в период социальных потрясений 1917-1922 гг.

Территориальные рамки работы охватывают Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Забайкальская области) и Дальний Восток (Амурская, Приамурская и Приморская области)¹ – территории, где национальные меньшинства составляли значительный элемент населения и играли заметную роль в жизни местного общества. Понятие «Сибирь» используется как в широком, так и в узком значении, поскольку ее территориальные рамки (административные и исторические) никогда не были отчетливо определены и не имеют общепринятого толкования.

Хронологические рамки (март 1917 – ноябрь 1922 гг.) включают переломный в истории России период, начавшийся свержением самодержавия и завершившийся окончанием гражданской войны на востоке страны. С целью выявить социокультурные предпосылки возникновения и развития процессов этнокультурной и политической самоорганизации национальных меньшинств, основному содержанию работы предпослана глава, в которой исследуются этнические миграции и особенности этнокультурной и общественной жизнедеятельности пришлого нерусского населения в конце XIX – начале XX вв.

Методологические принципы и методы. Методологической основой исследования являются общенаучные принципы познания – историзма, объективности, системности, а также принцип *методологического синтеза*², который предполагает использование теорий и концепций различных общественных наук, заключающих в себе взаимодополняющие эвристические возможности, дает возможность всесторонне интерпретировать сущность изучаемых событий и явлений. Развитием этого принципа является

коренного (сибирские татары) и пришлого (татары Поволжья и других регионов России) тюркского населения.

¹ Без Сахалина, Якутской и Камчатской областей.

² Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии //

применяемый в работе *междисциплинарный* подход, основывающийся на использовании отдельных положений права, этнологии, этносоциологии и этнополитологии.

Из указанных выше методологических принципов вытекают частные методы и подходы исследования. *Проблемно-хронологический метод* обусловил структуру диссертации и способствовал исследованию поставленных проблем во временной последовательности с выявлением количественных и качественных перемен. Использование *историко-генетического* метода позволило в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории национальных меньшинств. *Историко-типологический* метод оказался востребованным при классификации национальных движений и организаций национальных меньшинств Сибири. *Историко-ситуационный* подход использовался с целью рассмотрения происходящих событий в контексте конкретной исторической ситуации. *Историко-сравнительный* метод позволил проанализировать общие черты и специфику жизнедеятельности разных групп меньшинств. *Историко-ретроспективный* подход раскрывает смысл и значение явлений и событий прошлого с определенной исторической дистанции, когда уже в той или иной мере выявились их исторические итоги. Посредством метода *системного анализа* все явления жизнедеятельности меньшинств рассматривались во взаимосвязи. Использование методов *статистики* позволило провести анализ миграционных процессов, выявить динамику численности и расселения меньшинств в Сибири. Из общенаучных методов познания особое значение имели *анализ и синтез*, позволившие на основе изучения множества отдельных событий составить общую картину жизнедеятельности меньшинств.

Источниковая база. При написании диссертации был изучен и использован обширный комплекс опубликованных и неопубликованных источников, включающий следующие виды документов: законодательные и нормативные акты; статистические материалы, делопроизводственную документацию; документы и материалы политических партий; политическую публицистику, периодическую печать, мемуары, дневники и другие источники личного происхождения.

Из опубликованных источников первостепенное значение имеют документы органов власти всех уровней, программные документы политических партий по национальному вопросу, резолюции и постановления собраний, съездов, конференций и совещаний национальных меньшинств, происходивших в изучаемый период. Для изучения программ и тактики политических партий и движений в национальном вопросе большой интерес представляют работы идеологов и теоретиков политических партий и движений (Н.В. Брюлловой-Шаскольской, С. Котляревского, В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.С. Грушевского, В. Медема, М.Б. Ратнера, В. Жаботинского). Взгляды областников на решение «инородческого» вопроса в Сибири нашли отражение в работах Г.Н. Потанина, Н.В. Некрасова и др.

Исключительную значимость для понимания позиций лидеров меньшевиков и кадетов в национальном вопросе имеют воспоминания И.Г. Церетели и П.Н. Милюкова. Ряд сведений, касающихся деятельности национальной фракции в Сибирской областной думе, приводят в своих воспоминаниях И.А. Якушев, Г.К. Гинс и М.А. Кроль. Роль и место национальных воинских формирований в событиях гражданской войны, отношение к ним колчаковской администрации и союзников рассматриваются в воспоминаниях генерала К. Гоппера и главнокомандующего войсками союзников в Сибири генерала П. Жанена. Мемуары П.В. Вологодского, А. Будберга, И.И. Сукина представляют интерес с точки зрения освещения отдельных сторон национальной политики Российского правительства адмирала Колчака. Из мемуарного наследия представителей национальных меньшинств важны воспоминания пастора Я. Штаха, в которых описываются события в немецкой переселенческой среде. Многие стороны истории 5-й польской стрелковой дивизии раскрывают воспоминания бывших польских стрелков С. Богдановича и В. Шольце-Сроковского, отход и драматический финал дивизии – сдача в плен у ст. Клюквенная в январе 1920 г. – описываются в русскоязычных воспоминаниях участников Сибирского Ледяного похода.

Для анализа численности и национального состава населения, выявления существующих в регионе национальных организаций (благотворительных, культурно-просветительных, образовательных) и конфессиональных институтов

(костелов, лютеранских церквей, синагог, мечетей и др.) в работе широко привлекались статистические и справочные издания.

Важнейшим по информативной насыщенности источником является периодическая печать. Для решения исследовательских задач были использованы материалы более 200 наименований газет и журналов. В некоторых газетах имелись особые рубрики: «В национальных организациях», «Национальная жизнь», «Польская жизнь», в которых рассказывалось об особо важных событиях в жизни меньшинств. Свои периодические издания имели и национальные организации.

В прессе публиковались законодательные и иные нормативно-правовые источники: законопроекты по национальному вопросу, разрабатываемые Сибоблдумой; постановления правительственных учреждений всероссийских и областных правительств, указы Колчака и др. В изданиях политических партий помещались нормативные материалы, касающиеся их программных и тактических установок в национальном вопросе. Газеты помещали резолюции и постановления областных и национальных съездов, конференций, собраний и митингов, воззвания, письма и обращения национальных организаций, отдельных лиц к своим этническим группам, к общественным и политическим организациям. Такие документы дают возможность судить о взаимоотношениях национальных организаций с органами власти и местного самоуправления, характеризуют их политическую ориентацию.

Не меньшее значение имеют информационно-повествовательные источники: сводки, обзоры, сообщения, объявления, заметки, хроники и другая информация, – подготовленные для публикации государственным аппаратом и информационными агентствами, в том числе национальными, например, Польским осведомительным бюро. Публикуемые в газетах отчеты о национальных съездах и конференциях позволяют определить их общую политическую направленность, позиции отдельных групп и лиц. Данные о численном, социальном, партийном составе национальных организаций дают представление о масштабе национальных движений, их структуре, разногласиях и т.п. В газетах помещались также заметки, содержащие сведения о национальных организациях, времени их создания, программных и уставных положениях, численности, характере деятельности. Немаловажное значение имеют разного рода объявления и информация, размещавшаяся в рубрике

«хроника». Тщательное сопоставление этих сведений с другими позволяет установить время возникновения национальных организаций, определить характер и содержание их деятельности. На страницах сибирской прессы были представлены и все жанры газетной публицистики: статьи и заметки, корреспонденции и обзоры, комментарии и очерки, фельетоны и беллетристика. Особое место занимали статьи, принадлежащие идеологам власти, либо представителям национальных организаций. Такого рода материалы характеризуют политику власти и позиции национальных организаций по отношению к происходящим в стране и в мире политическим событиям.

Для решения исследовательских задач был использован широкий круг неопубликованных архивных материалов, извлеченных из 124 фондов 16 центральных¹ и местных² архивов. Наиболее значимый комплекс источников по теме исследования сосредоточен в ГАРФ: фонды Канцелярии министра-председателя Временного правительства (1778), Наркомнаца (Р-1318), Комуча (Р-667, Р-749), Совета министров Российского правительства (Р-176), МИД Российского правительства (Р-200), Управление делами Временного Всероссийского правительства (Р-180), Туземного отдела МВД Российского правительства (Р-1701), Министерства народного просвещения (Р-320), «польские фонды» (5111, 5115, 5122, 7555) и фонды еврейских организаций – ЦК Еврейской социал-демократической рабочей партии (ЕСДРП) Поалей-Цион (Р-620), Московского районного комитета сионистской народной фракции Цеире-Цион (Р-647), Всероссийского еврейского съезда (Р-9528), Центрального управления еврейских общин (Р-9531) и др.

Материалы ГАРФ дополняют документы, выявленные в РГВА: Штаба Верховного главнокомандования Всероссийского правительства (39499), Канцелярии военного прокурора Приамурского военного округа (39575) и Отдела контрразведки штаба Верховного главнокомандующего (40218). В фондах РГАСПИ: Истпарта (70), ЦИК ППС-левицы в России (281) имеются

---

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный военный архив (РГВА), Центральный государственный архив С-Петербурга (ЦГА СПб.), Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА Дальнего Востока). Выявление документов в РГИА ДВ производилось в Томске, до переезда архива во Владивосток.

² Архивы Красноярского, Алтайского и Хабаровского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской (Тобольской) областей.

документы о группах СДКПиЛ, ППС-левицы и ППС-«фракции» в Сибири. Исключительно ценные материалы о деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке еврейских партий – Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и Белоруссии Бунда и Поалей-Цион – были выявлены в фондах этих организаций (271 и 272). В РГАСПИ хранятся также документы и материалы Дальневосточного бюро (Дальбюро) ЦК РКП (б) (ф. 372). В комплексе с материалами Министерства по национальным делам ДВР, отложившимися в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Р-623, Р-1468), эти источники позволяют изучить уникальный опыт национальной политики в Дальневосточной республике.

В региональных архивах был изучен ряд дореволюционных фондов, содержащих сведения о численности и национальном составе населения, миграционных процессах конца XIX – начала XX вв. (крестьянские переселения, ссылка, беженское движение в годы I мировой войны). Документы и материалы Первого и Чрезвычайного областных съездов, хранящиеся в фондах ГАТО (Р-552 и Р-578) и Сибоблдумы (Р-72), являясь ценнейшим источником по истории областного движения в Сибири, свидетельствуют об активном участии в нем национальных меньшинств, которых привлекала национальная программа областников. В фондах советов, комитетов общественного порядка и безопасности, городских дум хранятся протоколы съездов и общих собраний, указы крестьян-переселенцев, списки кандидатов в органы местного самоуправления и предвыборные программы политических партий и общественных организаций. В фондах истпартов отложились документы о национальных секциях РСДРП.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно является первой попыткой комплексного исследования общественной жизнедеятельности национальных меньшинств в условиях революции и гражданской войны на востоке России. В научный оборот впервые вводится обширный корпус источников, свидетельствующих о весьма существенной роли различных групп меньшинств в событиях этого переломного в истории страны периода.

Основные положения, выносимые на защиту:

– в начале XX в. происходит изменение содержания, форм и масштабов общественной жизнедеятельности национальных меньшинств Сибири и

Дальнего Востока. Начав со стремления к сохранению культурной, языковой, конфессиональной самобытности и идентичности, они приходят к осознанию необходимости самоуправления через институты культурно-национальной (национально-персональной) автономии;

– шанс осуществления культурно-автономистских притязаний национальные меньшинства получили в условиях революции и гражданской войны, когда национально-персональная автономия стала важным элементом политического сознания и программным положением большинства политических партий и национальных движений в России;

– в Сибири культурно-автономистские устремления меньшинств были поддержаны областническим движением, политическая практика которого в национальном вопросе основывалась на варианте национальной программы, близком к эсеровскому – широкая автономия Сибири и обеспечение национального равноправия через предоставление территориальной автономии народам, имеющим компактную территорию расселения, и *экстерриториальной, персональной* – национальным меньшинствам;

– отрицание большевистской теорией и практикой культурно-национальной автономии привело в условиях советской власти к замедлению процессов самоорганизации и становления национального самоуправления;

– отношение антибольшевистских правительств к формирующимся институтам культурно-национальной автономии был разным. Временное Сибирское правительство, не отрицая института культурной автономии, предполагало существенное снижение ее функций и компетенции, вступив в этом отношении в оппозицию к Комитету членов Учредительного собрания;

– противоречивым было отношение к культурно-автономистским притязаниям национальных меньшинств Колчака и его министров, в основе представлений которых о государственном устройстве России, как и других белых правительств, лежала доктрина «единой и неделимой» России. Принципиально не отрицая право меньшинств на культурную автономию, правительство отказывало в признании формируемых ими институтов культурной автономии;

– в условиях ДВР национальным меньшинствам впервые в мире было предоставлено конституционное право «широкого самоопределения» в формах

национально-культурной автономии в ее классическом австромарксистском варианте;

– использование опыта осуществления культурно-национальной автономии в условиях революции и гражданской войны может быть полезным для решения проблемы национальных меньшинств в современных условиях, когда этническая дисперсность и гетерогенность населения остается одним из дестабилизирующих факторов, чреватых межэтническими конфликтами.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования при подготовке обобщающих трудов по истории революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, по истории национальных меньшинств, при разработке учебных курсов и спецкурсов по истории национальных движений второй половины XIX – начала XX вв., научно-популярных изданий. Результаты научных исследований диссертанта нашли отражение в привлечении к участию в экспертных оценках и консультировании законопроектов по правовому регулированию межнациональных отношений в Российской Федерации, в разработке программ национально-культурного развития Томской области (1995, 1996 гг.) С 1997 г. диссертант является экспертом по Томской области Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). В изданиях Сети – Бюллетене и Ежегодном докладе – ею опубликовано свыше 100 экспертных статей.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседании кафедры отечественной истории Томского государственного университета, результаты исследования изложены в докладах на 18 международных, общероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях по истории революции и гражданской войны (Таллинн, Томск, Новосибирск, Кемерово) и по истории национальных меньшинств: украинцев (Киев, Львов, Томск), немцев (Омск, Москва, Саратов), евреев (Москва, Томск, Иркутск, Улан-Удэ, Биробиджан, Красноярск, Кемерово), поляков (Томск, Варшава, Вроцлав), мусульман (Томск), и др. Исследования по теме диссертации поддерживались Международным научным фондом (1998 г.) и Российским государственным научным фондом (1996-1998 гг. и 2004-2005 гг.) Предварительные результаты изучения проблемы опубликованы в коллективных

монографиях, сборниках документов, статьях и тезисах докладов общим объемом 250 п.л. (свыше 100 работ).

Структура диссертации определяется целью, задачами исследования и логикой изложения его результатов. Работа включает введение, шесть глав, заключение и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснованы актуальность, научная значимость темы, дана оценка изученности темы, обозначены цель и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные рамки работы, охарактеризованы методология и методы, источниковая база исследования.

Глава 1 «**Национальные меньшинства в Сибири в начале XX в.**» посвящена анализу миграционных процессов, как источников складывания различных групп национальных меньшинств на востоке страны, особенностей их этнокультурной и общественной жизнедеятельности накануне социальных потрясений 1917-1922 гг.

В *первом разделе* рассматриваются миграционные потоки (ссылка, крестьянские переселения, рабочая миграция, иммиграция корейцев, движение беженцев и выселенцев в годы I мировой войны), которые привели к возникновению в Сибири как компактных анклавов пришлого иноэтничного населения, так и рассеянных этнических групп. Будучи вкраплены в иноэтничную среду, национальные меньшинства с неизбежностью втягивались в новые хозяйственные и культурные связи. Это вело к их ассимиляции, либо аккультурации, сопровождавшейся потерей этнообразующих признаков, и формированию комплекса диаспоральности, т.е. приобретения новых качеств и свойств, важнейшими из которых является умение найти свою нишу в системе разделения труда и социальных ролей, особые культурные и психологические характеристики, специфическую ментальность¹, отличающиеся как от иноэтничного массива, в который волею судьбы меньшинства оказались включены, так и от того этнического материка, от которого они откололись.

Во *втором разделе* рассматриваются пути и формы сохранения и воспроизводства этнической и культурной идентичности различных групп национальных меньшинств в регионе. Оказавшись в иной этнокультурной среде, меньшинства стремились сохранить свои конфессиональные и культурно-хозяйственные особенности, свою прежнюю идентичность. Легче всего процесс адаптации к новым условиям проживания происходил среди переселенцев-татар,

---

¹ Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 12.

встретивших в Сибири родственную конфессиональную и социокультурную среду. На фоне общих модернизационных процессов у татар Сибири происходит пересмотр устоявшихся социокультурных ценностей. Особенно заметной была деятельность мусульман-прогрессистов. Немаловажную роль в просвещении мусульман сыграла газета «Сибирья» («Сибирь»), выходившая в Томске в 1912-1913 гг.

Поддержание и воспроизводство еврейской диаспоры осуществлялось сложным взаимодействием традиционных социальных институтов, центром которого была религиозная община, и светских культурных, филантропических и политических организаций. С середины XIX в., когда в Сибири возникают официально разрешенные синагоги и молитвенные школы, и вплоть до конца XIX в. жизнь еврейской диаспоры была сосредоточена вокруг сугубо конфессиональных институтов (синагоги, духовные правления, богадельни, талмуд-торы). В начале XX в. еврейское население региона включается в общероссийские политические и национально-культурные процессы. Возникают светские организации – отделения Общества распространения просвещения между евреями, Еврейского литературного общества, Общества охранения здоровья еврейского населения. С возникновением в еврейской среде политических течений – сионизма, «культурного автономизма, социал-демократического движения (Бунд) жизнедеятельность еврейского сообщества окрашивается в политические тона. В Сибири особенно заметной была деятельность сионистов. При всех отличиях и сионисты, и бундовцы имели сходные взгляды на проблему национального самоуправления в России в форме экстерриториальной национально-персональной автономии на основе реформированной еврейской общины.

Стремление к сохранению этнической идентичности, этнокультурной самобытности и к самоорганизации было присуще и другим меньшинствам. С целью приобщения к национальной культуре и языку украинская интеллигенция создавала культурно-просветительные организации (громады, клубы, «просвіты»). Везде, где возникала польская община, строился костел, который был центром духовной и общественной жизни не только поляков, но и литовцев, белорусов, латышей и немцев римско-католического исповедания. При костелах создавались благотворительные общества, светские культурно-просветительные

и благотворительные общества («Огниво» в Иркутске, «Огниско» в Омске). В 1916 г. в Новониколаевске издавалась еженедельная газета «Glos Siberji» («Голос Сибири»).

Поддержание и воспроизводство немецкой диаспоры достигалось наличием системы социальных институтов, основным их элементом служили религиозные общины, которые стимулировали деятельность образовательных, благотворительных, культурно-просветительных организаций. Свою специфику имели формы самоорганизации корейцев, стремившихся к объединению в различные объединения, которые зачастую выполняли функции самоуправления: «Благотворительное общество среди трудящихся» («Сек-Чжон-Кон-Сен-Хой»), общество молодых – «Мен-Сен», «Корейское национальное общество» («Кукминхве»), «Общество развития труда» («Квонопхве»).

В связи с массовым наплывом беженцев в Сибирь в годы I мировой войны возникли организации, занимающихся оказанием материальной и нравственной помощи беженцам: Центральный обывательский (гражданский) комитет губерний Царства Польского (ЦОК, ЦГК), Польское общество помощи жертвам войны (ПОПЖВ), Центральный латышский комитет, Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО) и др.

Глава 2 «**Национальные меньшинства и власть между Февралем и Октябрем 1917 г.**» посвящена анализу общественной жизнедеятельности национальных меньшинств Сибири и Дальнего Востока после падения царизма.

В *первом разделе* характеризуется политика Временного правительства в национальном вопросе и коррективы в его постановке политическими партиями. Акции нового правительства по отмене вероисповедных и национальных ограничений оживили надежды национальных меньшинств на осуществление культурно-автономистских преобразований. Важным элементом политического сознания и программным положением большинства политических партий и национальных движений становится национально-персональная (культурная, экстерриториальная) автономия. Кадеты усматривали в ней универсальное решение национального вопроса, альтернативу территориальной автономии, способную предотвратить распад Российской империи, большинство других партий (эсеры, меньшевики, национальные партии) – оптимальный способ

решения проблемы национальных меньшинств. Реальный опыт стал развиваться именно в этом направлении

Во *втором разделе* освещается отношение национальных меньшинств к провозглашению основ демократической государственности, которое было воспринято всеми нацменьшинствами Сибири и Дальнего Востока с большим воодушевлением. Показано, что основным лейтмотивом принимаемых массовыми митингами и собраниями резолюций, приветственных телеграмм, отправленных от имени меньшинств в Петроград, было выражение доверия и поддержки новой власти и одновременно – надежды на осуществление демократических преобразований и удовлетворение национальных чаяний. Будущее политическое устройство страны представлялось в форме демократической республики. Важная роль отводилась Учредительному собранию. Нерусских крестьян-переселенцев волновало решение тех же вопросов о мире, о земле, о свободе, что и русских крестьян. Большинство крестьянских организаций, возникших в нерусской переселенческой деревне, особенно – украинской, оказалось под влиянием эсеров. Воздействие большевистской пропаганды было заметным в латышских колониях.

В *третьем разделе* рассматриваются развернувшиеся в среде национальных меньшинств процессы самоорганизации и оформления национального самоуправления. В основе мусульманского движения, одного из самых мощных и консолидированных в России, лежала принадлежность его участников к исламу и общетюркское самосознание. Процессы самоорганизации в среде татар-мусульман Сибири отражали общую для России тенденцию формирования системы национального самоуправления на основе религиозного варианта культурно-национальной автономии, которая была провозглашена мусульманскими съездами в июле 1917 г. в Казани. В то же время лидеры мусульман в регионе противились тенденции к жесткой централизации национального самоуправления, которая была неизбежна при осуществлении автономии в пределах внутренней России и Сибири. Эти настроения нашли отражение в решениях I сибирского мусульманского съезда, (октябрь 1917 г., Томск). Для Сибири создавался свой центр – Центральный совет Союза сибирских губернских мусульманских советов. На обособление мусульман региона было направлено и постановление съезда об образовании областного

духовного собрания. Важным событием стало открытие 16 октября 1917 г. в Томске мусульманской учительской семинарии – первого в Сибири учебного заведения для подготовки учительских кадров для тюрко-татарских начальных школ со светским образованием на родном языке.

Разнообразные формы приобрела самоорганизация еврейского населения Сибири. Руководство деятельностью сионистов, создавших разветвленную сеть своих организаций, осуществлялось Западно-Сибирским и Восточно-Сибирским комитетами с центрами в Томске и Иркутске. Основную оппозицию сионистам представляли бундовцы, их организации имелись во всех крупных центрах региона. Одной из ближайших задач в еврейском движении являлась демократическая реорганизация традиционной общины, которой предназначалась роль «ядра» в системе национального самоуправления. Сионисты выступали с лозунгом *«демократической, самоуправляющейся, единой еврейской общины»*, которая должна была сохранять конфессиональный характер и быть автономной в своем внутреннем самоуправлении. Бундовцы выступали под лозунгом *«демократической светской общины»*. Функции, связанные с социально-экономической помощью, предполагалось передать в ведение городского самоуправления, а общине оставить лишь дела, касавшиеся культурной жизни. Бундовцы в Сибири на своей I конференции в августе 1917 г. высказались за передачу еврейских культурных учреждений реорганизованной общине и создание в ее рамках автономной национальной школы. Допускалось преподавание еврейской истории и литературы на русском языке. Разница в подходах к реорганизации общины привела к тому, что начавшаяся в апреле-мае 1917 г. подготовка к созданию новых общин затянулась.

На характере и масштабах процессов политической и этнокультурной самоорганизации поляков в Сибири сказалось как влияние острой политической борьбы в России, так и начавшийся процесс воссоздания польской государственности. В их среде происходило размежевание по двум лагерям: близкому к левым кадетам либерально-демократическому, к которому примыкали также группы ППС-«фракции» и некоторые деятели ППС-левицы, и социал-демократическому (большевистскому), к которому принадлежали члены СДКПиЛ и часть левицевцев. Между этими группировками развернулась борьба

за влияние на различные группы польского населения – беженцев, военнотружущих, военнопленных.

Складываются центры украинского движения: в Сибири – Омск и Барнаул, на Дальнем Востоке – Владивосток и Хабаровск. Основной формой самоорганизации украинцев были громады, высшей – съезды, которые рассматривались как важный шаг на пути к организации национального самоуправления. Развернулось движение за создание украинских воинских частей, украинизацию школы, предоставление сибирским украинцам равной доли земли из Украинского земельного фонда. I Украинский дальневосточный съезд (июнь) высказался за предоставление украинцам Дальнего Востока национально-территориальной автономии. Была образована Дальневосточная рада (совет), избран временный исполком. На съезде в Омске (июль) образовалась Главная украинская рада в Сибири.

Среди выходцев из Прибалтики наиболее заметной была деятельность латышских организаций, в особенности – секций РСДРП (б). Самоорганизация литовцев и эстонцев имела преимущественно культурно-просветительский характер. В Западной Сибири формируется система органов *немецкого* самоуправления с Центральным комитетом в Славгороде и районными комитетами в Омске, Славгороде, Павлодаре и Змеиногорске. С образованием Всероссийского корейского союза начинает обретать реальное воплощение идея общенационального объединения корейцев.

В *четвертом разделе* характеризуется участие меньшинств в общественно-политической жизни региона. Революция предоставила им равные возможности для участия в органах государственной власти и общественного самоуправления. Осуществление планов создания национального самоуправления и автономии лидеры национальных меньшинств связывали с сибирскими областниками, поскольку выдвинутая ими в условиях революции под влиянием эсеров национальная программа предусматривала предоставление меньшинствам национально-персональной (культурной) автономии. Эта программа оказала существенное влияние на формирование идеологии и практики национальных движений пришлого нерусского населения Сибири. Представители национальных меньшинств приняли участие в работе августовской конференции и I Сибирского областного съезда в октябре 1917 г.

Глава 3 «**Национальные меньшинства в период установления советской власти в Сибири (октябрь 1917 – май 1918 гг.)**» посвящена анализу процессов самоорганизации среди нацменьшинств Сибири и Дальнего Востока в условиях советской власти.

В *первом разделе* рассматривается постановка проблемы национальных меньшинств в программных установках большевиков и политике советской власти. РСДРП была первой социал-демократической партией, которая использовала тезис о самоопределении наций, выработанный Лондонским конгрессом II Интернационала (1896 г.) в качестве программного положения. «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», было включено в I программу РСДРП (1903 г.) Этот тезис стал основополагающим принципом национальной программы российской социал-демократии. В трактовке большевиками этого лозунга обращает внимание его жесткая привязка к интересам классовой борьбы пролетариата. Для них идея самоопределения – лишь тактический лозунг, необходимый в целях вовлечения трудящихся всех наций в классовую борьбу за социализм. Второй, обусловленный классовым подходом, важный момент в понимании большевиками принципа самоопределения наций, был связан с его однозначной трактовкой как права на отделение. Такой подход был зафиксирован в решениях Поронинского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками (1913 г.), Апрельской конференции (1917 г.) и во II программе партии, принятой на VIII съезде в 1919 г.

Занимая в отношении принципа национального самоопределения самые радикальные позиции (ни одна из общероссийских политических партий не решалась заявить о понимании права на самоопределение, как на отделение), большевики рассчитывали тем самым не развалить многонациональное Российское государство, в чем их обвиняли и слева, и справа, а напротив, сохранить его. Но, сводя его к сецессии и к образованию национального государства, большевики не оставляли для народов России выбора: для желающих остаться в составе России предусматривалась лишь областная (после октября 1917 г. – национально-территориальная) автономия. Рассматривая автономию как «*наш* план устройства демократического государства», Ленин отрицал идею преобразования России на федеративных началах,

отстаивавшуюся эсерами и большинством национальных партий. К признанию федерации, как формы государственного устройства, Ленин, а следом за ним и большевистская партия пришли в 1917 г. в условиях подъема национальных движений, преимущественно федералистских по своему характеру.

Непримиримой критике большевики подвергали такую форму национального самоопределения как культурно-национальная автономия. Ленин считал ее «реакционной» и «вредной» «и с точки зрения демократии и еще больше с точки зрения пролетариата», полагая, что она стремится «воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм». Сводя ее суть к «разделению школьного дела по национальностям», Ленин противопоставлял ей принцип «безусловного» и «полного» равноправия наций и «неразрывно связанное» с ним обеспечение прав национальных меньшинств. По его мнению, их интересы вполне могли быть обеспечены путем издания общегосударственного закона, ограждающего их права. Он полагал, что «этим путем можно было бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и у б и т ь сторонников этой глупости окончательно»¹. Соответствующий пункт был включен в резолюции Поронинского совещания и Апрельской конференции РСДРП (б). После Октября роль критика культурно-национальной автономии взял на себя Сталин, впервые сделавший это в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.)

Придя к власти, большевики уже в первых своих декларациях и законодательных актах провозгласили равенство и суверенность народов России, их право на самоопределение, отмену национальных и религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп. Однако классово ориентированный характер национальной политики советской власти оттолкнул от нее лидеров национальных движений.

Во *втором разделе* освещается отношение национальных меньшинств к установлению советской власти и развитие в их среде процессов самоорганизации. С одной стороны, продолжалось формирование системы национального самоуправления и автономии. Особенно отчетливо эти процессы развивались среди мусульман, евреев, немцев, украинцев, литовцев, эстонцев,

---

¹ Ленин В.И. Письмо С.Г. Шаумяну // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 291.

корейцев. С другой стороны, набирали силы процессы, вызванные событиями, связанными с созданием национальных государств (Польша, Украина, в меньшей мере – Латвия) – стремление к возвращению на родину, чтобы принять участие в становлении национальной государственности. Одновременно во всех национальных сообществах обостряются внутренние противоречия, разделявшие их по принципу признания или непризнания советской власти.

Показано, что двойственность решений, принятых открывшимся в Уфе мусульманским парламентом, провозгласившим, с одной стороны, образование Урало-Волжской республики, т.е. национально-территориальной автономии, с другой – «Основные положения о культурно-национальной автономии мусульман», имеет следующее объяснение. При Временном правительстве, политику которого определяли кадеты, эсеры и меньшевики, принимавшие идею культурно-национальной автономии, осуществление мусульманами ее религиозно-национального варианта было вполне реальным. Приход к власти большевиков делал ее осуществление невозможным. К тому же признание советской властью федерализации России на этнотерриториальной основе служило сильным аргументом для сторонников территориального решения мусульманского вопроса. В Сибири, как и в других местах, продолжалось создание местных органов культурно-национальной автономии – национальных советов (милли-шуро), создавались военные организации, были созваны мусульманские военные съезды (в Омске, Томске, Иркутске). В противовес органам мусульманской автономии, вскоре распущенных, большевики приступили к созданию мусульманских комиссариатов, подчиненных Наркомнацу. Их организация поручалась левореволюционным мусульманским организациям. До лета 1918 г. мусульманские комиссариаты в Сибири были образованы только в Тобольской губернии.

В отличие от сионистских и либеральных кругов, занявших выжидательную позицию, Бунд воспринял Октябрьский переворот враждебно. В антибольшевистской кампании, развернутой бундовцами в Сибири, выделяются три направления: критика внутривластной деятельности, нападки на внешнюю политику и на идеологическую работу большевиков. С осени 1917 г. происходил повсеместный спад влияния Бунда. Сокращалась численность местных организаций, усиливались разногласия между оборонцами и

интернационалистами. Это нашло отражение в работе 2-й конференции Бунда (апрель 1918 г., Иркутск). Было решено создать общесибирский орган – Сибирский областной комитет Бунда с местопребыванием в Иркутске. Подробно освещается процесс демократизации еврейских общин в Сибири и на Дальнем Востоке, ход избирательной кампании и результаты выборов на Всероссийский еврейский съезд. Как и во всей стране, сионисты одержали здесь победу. Но съезд не был созван, затягивалась демократизация общин. Сказывалось противодействие большевиков, усматривавших в деятельности еврейских организаций препятствие утверждению советской власти.

По-разному был воспринят переход власти к советам среди поляков. Если группы СДКПиЛ и часть левицев приветствовали установление советской власти, то остальные группировки отнеслись к захвату власти большевиками резко отрицательно, заняв позицию «нейтралитета» и «неучастия» в происходивших в России событиях. Важным фактором, повлиявшим на политические настроения поляков, стало то, что польский вопрос перестал быть внутривнутриполитическим и приобрел международное значение. В диссертации подробно освещается происходивший среди поляков процесс размежевания между сторонниками советской власти (группы СДКПиЛ и ППС-левицы) и их политическими противниками в лице ППС-«фракции» и немногочисленных групп либеральной направленности. Острая борьба развернулась за влияние на польских беженцев, в которой верх одерживали левые политические силы. Стремление дистанцироваться от советской власти нашло отражение в образовании польских советов безопасности и в формировании национальных воинских частей. Поддерживавшие большевиков группы СДКПиЛ и ППС-левицы приняли участие в создании комиссариатов по польским делам в Омске, Иркутске, Чите, в формировании польских подразделений Красной Армии.

Часть украинцев, находившаяся под влиянием большевиков, заявляла о поддержке советской власти, другая часть под воздействием эсеров осудила захват власти большевиками. Развитию украинского движения в регионе способствовали события, связанные с провозглашением украинской государственности и изданием Центральной радой в январе 1918 г. закона о национально-персональной автономии. Продолжалось складывание украинского самоуправления, основы которого разрабатывались съездами в Хабаровске в

январе и апреле 1918 г. В Западной Сибири оформляется немецкое самоуправление, строившееся на принципах культурно-национальной автономии. Но политическая ситуация не благоприятствовала деятельности немецкого самоуправления, которое рассматривалось большевиками как буржуазное и потому враждебное советской власти. От полного уничтожения его спасла лишь кратковременность пребывания большевиков в этот период у власти.

Среди выходцев из Прибалтики наиболее благоприятные условия для своей деятельности в условиях советской власти получили левые течения, – в особенности латышские секции большевистских организаций. Формируются организационные структуры, претендовавшие на представительство и защиту интересов литовского и эстонского населения Сибири – Центральное литовское бюро и Центральный комитет эстонских колоний. Непримируемость национальных секций в их взаимоотношениях с небольшевистскими организациями вела к расколу диаспорных групп, делала невозможным осуществление национального самоуправления. Наиболее отчетливое выражение эти процессы получили среди латышей. Развитие корейского движения также характеризовалось ситуацией размежевания между сторонниками советской власти и ее противниками, ориентированными на антибольшевистские силы – Сибирскую областную думу.

В *третьем разделе* характеризуется отношение национальных меньшинств к областничеству и их участие в областном движении. Связывая с эсеро-областническими планами достижения автономии Сибири возможность осуществления национально-культурной автономии, представители национальных организаций приняли активное участие в работе Чрезвычайного областного съезда (декабрь 191г.) и Сибирской областной думы первого созыва (январь 1918 г.) Они сумели не только провести своих кандидатов в состав Временного правительства автономной Сибири, но и добились утверждения 1-й сессией Думы законопроектов об учреждении министерств туземных дел и экстерриториальных народностей.

Глава 4 **«Национальные меньшинства в период «демократической контрреволюции» (июнь – середина ноября 1918 г.)»** характеризует процессы самоорганизации национальных меньшинств после временного падения

советской власти и установления власти антибольшевистских правительств – Временного Сибирского правительства в Омске (ВСП), Временного правительства автономной Сибири (ВПАС) на Дальнем Востоке, Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, Временного Всероссийского правительства (Директории) и др.

В *первом разделе* рассматриваются взаимоотношения Омского правительства и организаций национальных меньшинств. Свержение советской власти и установление власти ВСП возродило надежды на осуществление в рамках автономной Сибири различных вариантов национального самоопределения. Деятельность национальных организаций активизировалась. Но их взаимоотношения с Омским правительством складывались непросто. Сказался, прежде всего, отход ВСП от выработанной под влиянием эсеров национальной программы. 18 июля был обнародован проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», который не выходил за рамки кадетской формулы «культурного самоопределения», принятой областниками в 1905 г. за основу решения «инородческого вопроса». Близость ВСП к ортодоксальному областничеству проявилась и в том, что культурная автономия предоставлялась не пришлым меньшинствам и «нациям без территории», как об этом говорилось в решениях областных съездов, а коренному, автохтонному населению. Поэтому осуществление идеи национально-персональной автономии, на принципах которой предполагали строить свое самоуправление национальные меньшинства, в период правления ВСП вряд ли было осуществимо. На взаимоотношения омской власти с организациями национальных меньшинств немалое влияние оказывал и фактор провозглашения новых независимых государств – Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Украины. Национальные организации заявляли о своем нейтралитете и брали на себя выполнение консульских функций по защите интересов национальных меньшинств. ВСП, негативно относившееся к образованию независимых государств, возникших по периметру распавшейся империи, не признавало правомочность действий национальных организаций, члены которых еще недавно являлись подданными Российского государства, а теперь заявляли о своем иностранном гражданстве – польском, украинском, латвийском, литовском, эстонском.

Во *втором разделе* освещается военно-политическая деятельность национальных организаций. Заявляя о своем нейтралитете в гражданской войне, они выступали против мобилизации национальных меньшинств в ряды Народной армии Комуча и Сибирской армии. Вместе с тем они полагали необходимым формирование национальных воинских частей в целях, как декларировалось, борьбы с большевизмом и германским империализмом. ВСП, Комуч, а затем и Директория относились к созданию самостоятельных национальных формирований настороженно, допуская лишь возможность организации национальных частей в рядах русской армии. Но при поддержке Франции и чехов на территории, подконтрольной антибольшевистским правительствам, началось формирование национальных частей – польских, латышских, украинских, эстонских и др.

В *третьем разделе* показаны роль и значение национального фактора в деятельности Сибирской областной думы второго созыва (август – ноябрь 1918 г.), подробно освещена деятельность депутатов Думы, представлявших национальные меньшинства. Мандаты национальных организаций имели 28 членов СОД, представляя внушительную силу, с которой нельзя было не считаться как при решении острых политических вопросов, так и национальных проблем. Представители национальностей образовали свою фракцию, подразделявшуюся на секции экстерриториальных и туземных народов. На деятельность фракции определяющее влияние оказывали программные установки эсеров и их практическая деятельность, вполне отвечавшие ожиданиям политической элиты народов Сибири, как автохтонных, так и пришлых. Постановка Думой национальных проблем, выразившаяся в готовности предоставить народам Сибири искомые формы национального самоопределения – территориального или экстерриториального, обусловила активную и последовательную позицию фракции национальностей, которая выступала практически по всем вопросам противостояния Думы и ВСП в коалиции с эсеровским большинством Думы.

В *четвертом разделе* рассматривается участие представителей национальных правительств – Алаш-Орды, Башкурдистана, Национального управления тюрко-татар, Самарского эстонского комитета в работе Уфимского государственного совещания, завершившегося формированием Всероссийского

Временного правительства (Директории) и роспуском областных и национальных правительств и Сибирской областной думы. Как и в конфликте Думы с Омском, на Уфимском совещании «националы» выступали по вопросу о принципах организации власти вместе с его левой социалистической частью. Поскольку в национальном вопросе Директория декларировала намерение придерживаться эсеровской платформы, члены национальной фракции Думы, согласившись на ее самороспуск, не оставляли надежд на осуществление национально-персональной автономии.

В *пятом разделе* освещается ход и решения III Всесибирского сионистского съезда, проходившего в Томске 5-9 ноября 1918 г. Была одобрена деятельность сионистов в Думе и принято решение об учреждении на территории Всероссийского правительства временного Центрального исполнительного бюро с правами ЦК Сионистской организации в России. Съезд поручил ЦИБ разработать вопрос о защите еврейских интересов в Сибирском Учредительном собрании. После окончания съезда члены ЦИБ М.А. Новомейский и Е.М. Барбель посетили председателя Директории Н.Д. Авксентьева, который заверил сионистов в сочувственном отношении к планам создания еврейской государственности. Но после переворота 18 ноября 1918 г. Директория ушла в небытие, вместе с ней были похоронены и надежды на осуществление национальными меньшинствами национально-культурного самоопределения и автономии.

Глава 5 **«Национальные меньшинства в условиях колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.)»** посвящена рассмотрению процессов самоорганизации и развития системы самоуправления национальных меньшинств, их взаимоотношений с колчаковской властью, административными и общественными структурами новых государств – Польши, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии. Национальную политику колчаковской администрации, которая во многом определялась решением военно-политических задач, отличало внутреннее противоречие между стратегической великодержавной перспективой и необходимостью отдавать дань демократическим принципам, которых требовала внутренняя и внешняя обстановка. В основе представлений Колчака и его министров о будущем государственном устройстве России, как и других белых правительств, лежала доктрина «целокупной», «единой и

неделимой» России. Но учитывая сложную военно-политическую обстановку и масштаб национальных движений, А.В. Колчак избегал открыто заявлять о своих великодержавных устремлениях, придерживаясь, как и А.И. Деникин, формулы **«непредрешения государственного строя»** до окончания гражданской войны.

В *первом разделе* рассматриваются международные аспекты национальной политики правительства Колчака. Показана роль Русского политического совещания в Париже и Русской политической делегации в налаживании связи с союзниками и в привлечении их к задаче сохранения целостности России. Характеризуется программа «Особого подготовительного к мирным переговорам совещания» в Омске. Самоопределение народов рассматривалось с позиции обеспечения целостности России с двух точек зрения – международной и внутригосударственной. Предусматривался дифференцированный подход к решению проблем самоопределения. К некоторым государствам (Польша), которые потеряли в прошлом независимость, но сохранили национальную самобытность, Омское правительство соглашалось применить принцип самоопределения в полной мере. Для Прибалтики, Белоруссии, Закавказья и Украины предусматривалась культурно-национальная автономия. Финляндии также отказывалось в независимости. Показано рассмотрение Парижской мирной конференцией проблемы восстановления независимости Польши, а также еврейского вопроса, который обсуждался в двух направлениях – осуществления сионистского идеала о приобретении прав на Палестину и международно-правовых гарантий прав евреев во всем мире. Показано, что система защиты меньшинств, сложившаяся в рамках созданной в Версале Лиги Наций, имела ряд недостатков, вытекавших из неравноправного положения и статуса государств внутри Лиги. Сделан вывод, что антидемократическая сущность внешнего и внутреннего курса режима Колчака и национальной политики, как его части, обусловили недоверие к нему национальных меньшинств.

Во *втором разделе* анализируются особенности самоорганизации различных групп меньшинств, взаимоотношения национальных организаций с колчаковской администрацией, их отношение к новообразованным государствам – Польше, Латвии, Эстонии, Украине. Показано, что в условиях колчаковского

режима в Сибири и на Дальнем Востоке продолжалось создание институтов национального самоуправления и автономии, созывались национальные съезды, действовали национальные организации: советы (еврейский, латышский, эстонский, литовский, корейский), польские комитеты (ПНК и ПВК), украинские рады, ЦНУ мусульман и другие организации, стремившиеся к объединению рассеянных по огромной территории Сибири и Дальнего Востока национальных меньшинств. Одни добивались национально-культурной автономии (мусульмане, евреи, украинцы, корейцы), другие – смены гражданства и права экстерриториальности для своих меньшинств (поляки, латыши, эстонцы, литовцы). Несмотря на то, что национальные организации демонстрировали лояльность власти, колчаковская администрация воспринимала их притязания как ограничение суверенитета России и всячески препятствовала их деятельности. В настороженном отношении правительства к культурной автономии мусульман негативную роль сыграли действия группировки М.-Г. Курбангалеева, направленные на дискредитацию деятельности ЦНУ, но первостепенное значение имела предубежденность к самой идее автономии, обусловленная державным менталитетом, весьма туманными представлениями о политических течениях в мусульманском движении, и в особенности – недооценкой объединительного потенциала, заложенного в этой форме автономии. Не вызывала доверия у колчаковских властей и деятельность латышских и эстонских организаций, равно как и украинских «рад» и «громад», которые подозревались в «самостийничестве» и «мазепинстве». Будучи вынужден был признать независимость Польши, Омск до осени 1919 г. не мог определиться в своем отношении и к польским организациям – ПНК и ПВК, – испытывая недоверие к обеим структурам.

В *третьем разделе* рассматривается вопрос о национальных воинских формированиях – польских, украинских, латышских, создававшихся с двойной целью: участия в борьбе с большевизмом и в строительстве национальной государственности. Рассматривая право их образования в зависимости от признания новых государств, Омск признал возможность создания отдельной польской армии, а для других национальностей – национальных формирований русской армии. В военном ведомстве считали, что национальные формирования порождают сепаратизм, что на фронте они «малоустойчивы и в политическом

отношении малонадежны». Такой подход был причиной неоднократных попыток расформирования латышских и украинских частей.

Глава 6 «Проблема национальных меньшинств в политике Дальневосточной республики (1920-1922 гг.)» посвящена рассмотрению национальной политики ДВР – демократического «буферного» государства, существовавшего в пределах Забайкалья и Дальнего Востока.

В *первом разделе* рассматривается разработка основ национальной политики в отношении национальных меньшинств Учредительным собранием ДВР. Разработанные туземной комиссией статьи 121-125 Конституции ДВР, которая была утверждена Учредительным собранием 27 апреля 1921 г., предоставляли четырем группам меньшинств – украинцам, корейцам, евреям и тюрко-татарам – право на культурно-национальную автономию, осуществляемую органами национального самоуправления, избираемыми всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием с применением пропорционального представительства. За национальными самоуправлениями признавался публично-правовой статус. Сфера их компетенции распространялась на область культурной жизни. Удовлетворение культурных потребностей обеспечивалось из общегосударственных средств пропорциональной частью бюджета. Языком национально-культурных автономий объявлялся язык их национальности (для евреев – идиш). «Для руководства и контроля» над деятельностью органов национального самоуправления законом правительства ДВР 29 апреля 1921 г. учреждалось Министерство по национальным делам (МНД). Разрабатываемый в ДВР вариант культурно-национальной автономии основывался на классической австромарксистской модели национальной автономии.

Во *втором разделе* характеризуется деятельность Министерства по национальным делам ДВР по осуществлению культурно-национальной автономии. К числу основных задач, стоящих перед МНД, относилась разработка органического закона о культурно-национальной автономии, установленной Конституцией для национальных меньшинств. Первый вариант проекта закона был готов уже к началу декабря 1921 г. Одновременно разрабатывались однотипные временные положения о местных органах национального самоуправления украинцев, корейцев, евреев и тюрко-татар, в

задачи которых входило решение неотложных задач культурно-национальной жизни и обеспечение созыва учредительных национальных собраний. Были образованы временные органы представительства тюрко-татар в Верхнеудинске и Чите и предоставлены права органов культурно-национальной автономии Благовещенскому и Хабаровскому тюрко-татарским обществам, украинским радам в Хабаровске, Свободном и Благовещенске, еврейским общинным советам в Благовещенске и Хабаровске, корейским советам в Приамурье и на Амуре, учреждены местные органы министерства – Амурский и Приамурский областные национальные отделы.

Деятельность национальных организаций и областных отделов, как и министерства, была крайне затруднена условиями гражданской войны, японской интервенции и общей хозяйственной разрухи, но главным препятствием было затягивание коммунистами утверждения закона о культурно-национальной автономии. После того, как в конце 1921 г. вместо меньшевика К.Я. Лукса во главе МНД был поставлен коммунист М.И. Амагаев, практика национального строительства в ДВР стала приводиться в соответствие с большевистской теорией, не признававшей культурно-национальной автономии. Были подготовлены новые законопроекты, предоставлявшие меньшинствам право образовывать культурно-национальные объединения лишь на местном уровне. Но и эти законопроекты не были поддержаны коммунистической фракцией правительства ДВР.

В *третьем разделе* рассматривается развитие национальных движений среди национальных меньшинств в условиях ДВР и деятельность национальных отделов МНД ДВР (украинского, еврейского, корейского, тюрко-татарского, отдела разных народностей). Показано, что в условиях демократической власти в ДВР свободно функционировали общественно-политические, культурные и благотворительные национальные организации. Как органы национального самоуправления действовали украинские рады и еврейские общинные советы. Функции исполнительного органа самоуправления корейцев выполнял Всекорнацнацсовет. Татарское население было включено в систему культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар – национальные управления и собрания действовали в Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске, ст. Маньчжурия, Харбине. Принятие Конституции ДВР и образование МНД меньшинства

восприняли как шанс для осуществления своих культурно-автономистских планов. Но поскольку осуществление конституционных прав национальных меньшинств затягивалось как из-за сложной военно-политической обстановки, так и из-за сознательной политики коммунистического большинства в руководстве ДВР, между властью и органами национального самоуправления все чаще стали возникать конфликты. Ставились препятствия развитию национального образования, было отказано в праве представлять корейское население Всекорнацсовету, выражено политическое недоверие украинским организациям. С упразднением ДВР все национальные объединения были распущены.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы:

В конце XIX – начале XX вв. в результате массовых миграционных движений как добровольного (переселенческое движение, иммиграция, трудовая миграция), так и принудительного характера (административная, политическая и уголовная ссылка, эвакуация населения и беженство в годы I мировой войны) в Сибири и на Дальнем Востоке образовались многочисленные группы национальных меньшинств – диаспоральных сообществ – украинцев, белорусов, поляков, евреев, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, корейцев, татар и др.

В их среде отчетливо обозначилось стремление к этнической консолидации, к сохранению культурной, языковой, конфессиональной и хозяйственной идентичности и самобытности. Возникают светские культурно-просветительные филантропические организации, приходит осознание необходимости самоуправления через институты культурно-национальной (национально-персональной) автономии.

В результате отмены Временным правительством сословных, вероисповедных и национальных ограничений меньшинства получили возможность создания своих национально-культурных объединений, свободу этнокультурного и политического самовыражения, что необычайно стимулировало процессы этнокультурного развития, которые приобрели характер широкой самоорганизации в самых различных формах: политических, культурных, экономических.

Стремление национальных меньшинств к самоорганизации, к самостоятельному устройению своей судьбы было поддержано областническим движением, политическая практика которого в 1917-1918 гг. основывалась на сформированной под влиянием эсеров национальной программе: широкая автономия Сибири и предоставление территориальной автономии народам, имеющим компактную территорию расселения, и экстерриториальной, культурной, персональной – национальным меньшинствам.

В отличие от Сибирской областной думы, Временное Сибирское правительство в Омске, опубликовавшее в июле 1918 г. проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», не только не допускало предоставления народам Сибири территориальной автономии, но и не признало национально-культурную автономию мусульман и ее исполнительный орган – Национальное управление. В этом отношении правительство П.В. Вологодского вступило в оппозицию не только к Сибоблдуме, но и к Самарскому Комучу, признавшему «бесспорным» право тюрко-татар России на культурно-национальную автономию. С настороженностью относилось ВСП и к другим национальным организациям.

Процесс самоорганизации национальных меньшинств не прерывался и в условиях колчаковского режима. В конце 1918 – 1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке прошли съезды украинцев, латышей, поляков, литовцев, эстонцев, мусульман, корейцев и др. Результатом их стало формирование системы органов культурно-национальной автономии от высших – национальных советов, до низших автономных единиц – сельских, волостных, городских советов, рад, гмин и т.п.

Задачи и деятельность национальных советов и других организационных структур, стремившихся к получению национальной государственности – польского, украинского, латышского, эстонского, литовского – имели свою специфику, выражаясь в формировании национальных воинских частей, в организации помощи желающим вернуться на родину и др. Провозглашая экстерриториальность меньшинств, национальные советы и комитеты стремились выполнять консульские функции.

Омская власть, не признавая новообразованных «лимитрофных» государств, всячески препятствовала этой деятельности. Не признала она и органы культурно-национальной автономии меньшинств (тюрко-татар, евреев,

украинцев, немцев, корейцев), которая, как и территориальная автономия, воспринималась как форма разрушения российской государственности.

Еще один шанс на осуществление самоуправления на основе национально-персональной (культурной) автономии меньшинства получили на Дальнем Востоке в период существования Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Конституция ДВР, утвержденная Учредительным собранием, предоставила национальным меньшинствам, проживавшим на территории Республики, право на культурную автономию. Министерство по национальным делам разработало проект закона «Об автономии национальных меньшинств, населяющих ДВР», согласно которому они получали возможность объединения в автономные союзы с представительными и исполнительными органами, самостоятельными в своей деятельности. Не дожидаясь принятия закона об автономии меньшинств, министерство возложило на национальные организации функции и права культурной автономии. Однако из-за противодействия Дальбюро ЦК РКП (б) и коммунистической фракции правительства закон об автономии меньшинств в ДВР так и не был принят. С упразднением в конце 1922 г. «буферной» республики и вхождением Дальневосточного края в состав РСФСР национальная политика в регионе была приведена в полное соответствие с практикой национального строительства в советской России.

В **Приложении** приводятся таблицы, содержащие характеристику численности и расселения национальных меньшинств в Сибири, а также сведения о составе польских частей в Новониколаевске и списки местных комитетов сионистских организаций, делегатур и эмиссариатов ПВК в Сибири.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Монографии и разделы в коллективных трудах:

1. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Н.И. Наумова, В.А. Сафонов.* Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни (1885-1919). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 296 с. / 7,5 п.л.
2. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). – Красноярск, 2003. – 271 с. / 10,7 п.л.

3. Сем Ю.А., Мухачев Б.И., Нам И.В. Национальная политика правительства ДВР // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – С. 480-495. / 0,3 п.л.
4. Нам И.В., Наумова Н.И. Национальная («инородческая») школа Сибири в образовательной политике власти (конец XIX в. – 1919 г.) // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века. – Новосибирск : НГУ, 2005. – С. 175-306. / 4 п.л.
5. Нам И.В., Наумова Н.И. К истории мусульманской татарской школы в дореволюционной России и Сибири // Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 37-84. / 1,4 п.л.
6. Нам И.В., Наумова Н.И. Особенности реформирования мусульманской школы в Сибири в годы революции и Гражданской войны // Там же. – С. 85-121. / 1,2 п.л.

Документальные публикации:

1. Нам И.В. Национально-персональная автономия (Документы и материалы) // Этнополис. – 1995. – № 1. – С. 270-297. (1,6 п.л.)
2. Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика : Антология : в 3 т. / сост. М.Н. Губогло, И.В. Нам. – М., 1995. – Т. 1. – 316 с. / 13,4 п.л.; Т.2. – 317 с. / 6,8 п.л.; Т. 3. – 300 с. / 1,7 п.л.
3. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений. Начало XX века : сб. док. / сост. И.В. Нам. – Томск, 1997. – 206 с. (12,5 п.л.)
4. Культурно-национальная автономия в истории России : документальная антология / сост. И.В. Нам. – Т. 1. Сибирь. 1917–1920. – Томск, 1998. – 308 с. / 18 п.л.; Т.2. Дальний Восток. 1921-1922. – Томск, 1999. – 297 с. (18,6 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. Нам И.В. Бунд и РСДРП: полемика о месте Бунда в партии // Известия Томского политехнического университета. – 2002. – Т. 305. – Вып. 7. Тематический выпуск «Сибирь в евразийском пространстве». – С. 74-84. (0,6 п.л.)

2. *Нам И.В.* Национальная программа Бунда: коррективы 1917 года // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2003. – № 3 (276). – С. 83-89. (1 п.л.)
3. *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2004. – № 281, март. – С. 47-57. (1,5 п.л.)
4. *Нам И.В.* Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь-ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288, сентябрь. – С. 151-158. (0,5 п.л.)
5. *Нам И.В.* Российское правительство А.В. Колчака и культурно-национальная автономия тюрко-татар внутренней России и Сибири: проблема взаимоотношений (1919 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2008. – № 1. – С. 95-105 (0,5 п.л.)
6. *Нам И.В.* Международные аспекты национальной политики Российского правительства (ноябрь 1918 – 1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 310, май. – С. 81-87. (1,0 п.л.)
7. *Нам И.В.* Временное Сибирское правительство и польские воинские формирования (июнь-ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 311, июнь. – С. 86-89. (0,4 п.л.)
8. *Нам И.В.* Российское правительство адмирала А.В. Колчака и польские воинские формирования (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. № 312, июль. – С. 88-94. (0,9 п.л.)

Статьи и тезисы докладов:

1. *Нам И.В.* Объединенные организации и Бунд в Сибири в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. – Томск, 1992. – С. 41-45. (0,3 п.л.)
2. *Нам И.В.* Съезды национальных меньшинств Сибири (1917 - начало 1918 гг.) // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. – Томск, 1993. – С. 84-105. (1,3 п.л.)

3. *Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И.* Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 78-81. (0,2 п.л.)
4. *Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И.* Национальные меньшинства: забытый исторический опыт и современные проблемы // Этнополитический вестник России (Этнополис). – 1993. – № 2. – С.80-92. Перепечатано: Міжнародний етничий форум. –Киев, 1995. – Вып. 1. – С. 35-42. (0,4 п.л.)
9. *Нам И.В.* Национально-персональная автономия как форма обеспечения прав национальных меньшинств // Трансформация цивилизационного и культурного пространства на территории бывшего СССР. – М., 1994. – С. 94-104. (0,8 п.л.)
10. *Нам И.В.* О культурно-национальной автономии мусульман Сибири в 1917 году // Материалы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера. – Томск, 1996. – С. 154-166. (0,6 п.л.)
11. *Нам И.В.* Национальный вопрос в программах и политической практике сибирского областничества // Из истории революций в России. – Томск, 1996. – Вып.2. – С. 169-182. (0,8 п.л.)
12. *Нам И.В.* Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири (XIX–начало XX в) // Американские исследования в Сибири : материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» 4–6 октября 1996 г. – Томск, 1997. – Вып. 2. – С. 182-191. (0,6 п.л.)
13. *Нам И.В.* Сибирские немцы в условиях первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1997. – С. 130-153. (1,2 п.л.)
14. *Нам И.В.* Национальные проблемы в работе I съезда сибирских областников // Актуальные проблемы истории Сибири : научные чтения памяти А.П. Бородавкина. 20 мая 1997 г. – Барнаул, 1998. – С. 200-205. (0,2 п.л.)
15. *Нам И.В.* Поляки в Сибири на историческом переломе (1917–середина 1918 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 1998. – Вып. 3. – С. 49-51. (0,2 п.л.)

16. *Нам И.В.* Уфимское государственное совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков : материалы Всерос. конф., посвященной 120-летию Томского государственного университета. – Томск, 1999. – Т. II. – С.176-183. (0,4 п.л.)
17. *Нам И.В.* Культурно-автономистское движение российских немцев в условиях революций 1917 года // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М. : Готика, 1999. – С. 249-270. (1,3 п.л.)
18. *Нам И.В.* Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. – Томск, 2000. – С.73-86. (0,8 п.л.)
19. *Нам И.В.* Немецкие колонии в России и Сибири в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. : материалы международ. науч. конф. – М. : Готика, 2000. – С. 17-30. (0,8 п.л.)
20. *Нам И.В.* Выборы на Всероссийский еврейский съезд в Сибири // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока : материалы I региональной научно-практ. конф. (4-5 ноября 2000 года). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 61-65. (0,2 п.л.)
21. *Нам И.В.* Идея национально-персональной автономии в российской публицистике начала XX века // Проблемы истории и исторического познания. – Томск, 2001. – С. 103-114. – С. 23-29. (0,7 п.л.)
22. *Нам И.В.* Демократизация еврейских общин Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917-1918 гг.) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока : материалы II региональной научно-практ. конф. (25-27 августа 2001 г.). – Красноярск-Иркутск, 2001. – Вып. 6. – С. 64-70. (0,4 п.л.)
23. *Нам И.В.* Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы // Федерализм в России. – Казань, 2001. – С. 195-206. (0,7 п.л.)
24. *Нам И.В.* Проблема национальных меньшинств в национальной политике Дальневосточной республики // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона : Первые Крушановские чтения, 1998. – Владивосток, 2001. – С. 135-139. (0,3 п.л.)

25. *Нам И.В.* Страницы истории общественного самоуправления у корейцев русского Дальнего Востока // Диаспоры. – 2001. – № 2-3. – С. 148-169. (1,3 п.л.)
26. *Нам И.В.* II Сибирская конференция Бунда // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : сб. материалов III региональной научно-практ. конф., Улан-Удэ, 26-27 августа 2002 г. – Красноярск-Улан-Удэ, 2002. – Вып. 10. – С. 107-113. (0,4 п.л.)
27. *Нам И.В.* Культурно-автономистское движение мусульман России в начале XX века // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность : материалы междунар. конф. 16-17 мая 2002 г. – Томск, 2002. – С. 57-66. (0,5 п.л.)
28. *Нам И.В.* Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX-начале XX веков) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941 гг.) : материалы 8-й междунар. науч. конф. Москва, 13-16 октября 2001 г. – М., 2002. – С. 361-398. (2,2 п.л.)
29. *Нам И.В.* Бунд в Сибири в условиях революций 1917 года // Страницы истории евреев Сибири в XIX-XX веках : сб. статей. – Красноярск, 2003. – С. 100-151. (3,1 п.л.)
30. *Нам И.В.* Немцы и власть в Сибири в условиях гражданской войны (1917-1918 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2003. – № 10. – С. 199-206. (0,8 п.л.)
31. *Нам И.В.* Еврейский вопрос в национальной политике Дальневосточной республики // Некоторые проблемы истории евреев в Сибири в XIX-XX вв. – Красноярск : Кларетианум, 2004. – С. 118-155. (2,2 п.л.)
32. *Нам И.В.* Дело Красноярской группы сионистов (1914-1916 гг.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. – Красноярск : Кларетианум, 2004. – С. 54-60. (0,4 п.л.)
33. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Мусульманская школа в Сибири (конец XIX в. – начало 1920 г.) // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX веке : сб. науч. тр. Новосибирского госуниверситета. – Новосибирск, 2004. – С. 45-83. / 2,3 п.л.
34. *Нам И.В.* Формы самоорганизации поляков Томской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской

- губернии (1804-1925 гг.) : материалы науч. конф. – Кемерово, 2004. – С. 51-57. (0,4 п.л.)
35. *Нам И.В.* Украинское национальное движение в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917-1922 гг.) // Украинцы в Сибири: история, культурная жизнь, перспективы. – Томск, 2004. – С. 24-46. (1,3 п.л.)
36. *Нам И.В.* Формирование польских воинских частей в Сибири и Временное Сибирское правительство // История белой Сибири : материалы 6-й международной науч. конф. 7-8 февраля 2005 г. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – С. 62-67. (0,3 п.л.)
37. *Нам И.В.* Еврейские школы в Сибири (конец XIX в. – 1919 г.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : сб. материалов VI региональной научно-практ. конф. Барнаул, 22-23 августа 2005 г. Красноярск-Барнаул : Кларетианум, 2005. – С. 148-164. (1,0 п.л.)
38. *Нам И.В.* Культурно-национальная автономия в России: опыт Дальневосточной республики (1921-1922) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М. : Социально-политическая мысль, 2005. – С. 169-188. (1,2 п.л.)
39. *Нам И.В.* Национальные организации помощи беженцам и их деятельность в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 115-119. (0,4 п.л.)
40. *Нам И.В.* Немцы-переселенцы глазами сибирского чиновника: проблема адаптации в инокультурной среде (на материалах Томской губернии) // Российские немцы в ином национальном окружении: проблемы адаптации, взаимопонимания, толерантности : материалы междунар. науч. конф. Саратов. 14-19 сентября 2004 г. – М. : МСНК-пресс, 2005. – С. 137-149. (0,8 п.л.)
41. *Нам И.В.* Еврейские общины Сибири в условиях колчаковского режима // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность : материалы VII региональной научно-практ. конф. – Красноярск-Кемерово, 2006. – С. 81-94. (0,8 п.л.)

42. *Нам И.В.* Временное Сибирское правительство и национальные организации // Жизнь в истории : к 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. – Томск, 2006. – С. 195-214. (1,2 п.л.)
43. *Нам И.В.* Корейский вопрос в национальной политике Дальневосточной республики // Российские корейцы : история и современные проблемы. – Томск, 2006. – С. 51-59. (0,5 п.л.)
44. *Нам И.В.* Между красными и белыми: участие латышей в Гражданской войне на востоке страны // Сибирь в период Гражданской войны : материалы междунар. науч. конф. (6-7 февраля 2007 г., г. Кемерово). – Кемерово, 2007. – С. 102-104. (0,3 п.л.)
45. *Нам И.В.* Реакция на еврейские погромы в Польше и Галиции в 1918-1919 гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность : материалы VIII междунар. науч. конф. Красноярск, 19-20 ноября 2007 г. – Красноярск, 2007. – С. 114-122. (0,5 п.л.)
46. *Нам И.В.* Немецкое самоуправление в Сибири и областничество (1917-1918 гг.) // Российское государство и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.) : материалы XI междунар. науч. конф. Москва, 1-3 ноября 2006 г. – М. : МСНК-пресс, 2007. – С. 265-284. (1,2 п.л.)
47. *Нам И.В.* Національно-персональна (культурна) автономія в історії та сучасності // Етнічні меншини Східної та Центральної Європи. Компаративний аналіз становища та перспектив розвитку. – Київ, 1994. – С. 138-148. (National-personelle (kulturelle) Autonomie in der Geschichte und Gegenwart // Etnische Minderheiten in Ost und Mitteleuropa: eine vergleichende Analyse ihrer Situation und Endwicklungsperspektiven. – Kyjiw : INTEL, 1994. – S. 138-148. (0,6 п.л.).
48. *Nam I.V.* Polacy na Syberii w okresie przelomu historycznego // Zesłaniec. – 2002. – № 9. – S. 113-116. (0,3 п.л.)
49. *Nam I.V.* Polskie organizacje pomocy uchodźcom na Syberii w latach I wojny światowej // Zesłaniec. – 2002. – № 10. – S. 65-75. (0,8 п.л.)
50. *Nam I.V.* Polskie organizacje w Syberyjskiej Dumie Obwodowej (1917-1918) // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. – Wrocław, 2007. – S. 503-528. (2,1 п.л.)